

2 июля в Москве состоялся гала-концерт лауреатов конкурса. Его посетил президент России Владимир Путин, в своем выступлении подчеркнувший: «Конкурс имени Чайковского был и остается гордостью России, одним из самых авторитетных и уважаемых в мире».

Вечером 3 июля прошел гала-концерт в Петербурге, на Новой сцене Мариинки. В тот же вечер объявили обладателя Гран-при — им стал Ганбаатар Ариунбаатар из Монголии. Главная награда конкурса (в денежном эквиваленте это 100 тысяч долларов) присуждается одному из обладателей первых премий по лобой специальности. При этом сумма складывается с первой наградой, которая составляет 30 тысяч долларов.

Баритон из Монголии Ганбаатар Ариунбаатар — обладатель Гран-при.

Владимир ПУТИН:

Конкурс Чайковского — гордость России

XV МЕЖДУНАРОДНЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ КОНКУРС ПОДВЕЛ ИТОГИ

ИТОГИ юбилейного конкурса оказались понятными у вокалистов и виолончелистов и непредсказуемыми и неожиданными — у пианистов и скрипачей. Так же как внезапный пожар в московской Консерватории в ночь на 1 июля, в котором сгорела любимая аудитория Дениса Мацуева, позировавшего перед камерами на фоне клубов черного дыма.

Меццо Юлия Маточкина, великоленная прима Мариинки, получила свою первую премию по вокалу вполне ожидаемо и вполне заслуженно. Лучшим певцом был признан Ганбаатар Ариунбаатар из Монголии, он же стал обладателем Гран-при.

Румынский музыкант Андрей Ионица не без труда вырвал первую премию по специальности виолончель у хорошо знакомого петербургским меломанам своим выступлением в петербургском Доме музыки Александра Рама. У скрипачей все закончилось едва ли не скандалом — первая премия не досталась никому. Второе место занял тайваньский музыкант Цзэн Юй-Чен, третье — Павел Милоков.

Пианиста же Дмитрия Маслеева мало кто рассматривал как главного претендента на победу по специальности фортепиано, однако именно он и победил.

Специальности, как и четыре года назад,

Юлия Маточкина, солистка Мариинки, получила первую премию по вокалу.

были поровну поделены между столицами: вокал и виолончель — в Петербурге, фортепиано и скрипка — в Москве.

Вообще говоря, сама идея конкурса музыкальных исполнителей по сути своей если не парадоксальна, то по крайней мере очень нетривиальна. На вопрос о том, на-

сколько совместимы искусство и спорт, прославленные мэтры отвечают по-разному. Поэтому всегда должно сохраняться понимание относительности конкурсных оценок. Зачастую те музыканты, которые срезались на каком-то туре, не дойдя до финала, но чьи талант и мастерство потрясли и очаровали слушателей, могут получить не меньшую популярность, чем победители. Как это было, например, с пианистом Алексеем Султановым в 1998 году.

Журналисты, следившие за конкурсом, многократно на разные голоса повторяли вполне риторический, на мой взгляд, и довольно-таки странный вопрос: куда же девались Глиберны? А неужели кто-то порадовался бы, если бы на очередном конкурсе Чайковского возник клон Клиберна с прославленными «Подмосковными вечерами»? Не лучше ли все-таки жить сегодня и пытаться увидеть и услышать Тенюшаса и Дебарта, Маточкину и Милокова, чем вечно вздыхать о призраке романтического американца?

Так или иначе, но жизнь продолжается, новые имена на Конкурсе Чайковского возникают, и многие из них потом годами и десятилетиями украшают афиши концертных залов по всему миру.

Полную версию материала читайте на сайте vppress.ru

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Павел ЕГОРОВ, пианист, народный артист России, профессор Петербургской консерватории (специально для «ВП»):

— Результатами нынешнего, юбилейного конкурса Чайковского я доволен — они достаточно объективны. На прошлом, XIV конкурсе много вопросов у специалистов было в отношении Гран-при, присужденного Даниилу Трифонову. В этот раз я больше интересовался конкурсом, тем более что можно было посмотреть прямые трансляции и в Петербурге. Конечно, ошеломляет количество участников, так как на отборочный тур их прошло больше, чем планировалось. И это не может не радовать. Особенно приятно, что были представители самых разных пианистических школ — и американцы, и европейцы, и, конечно же, набирающий популярность Восток. На этот раз меня удивило то, что некоторые претенденты, уже обжегшись однажды на Конкурсе Чайковского, снова решились участвовать в нем. Зачем? Ну ладно бы совсем необстрелянные конкурсам юные «птеныцы». А здесь выступили уже сложившиеся музыканты, известные многим в России и за рубежом, например, Александр Лубянец, который теперь еще и композитор, а также такой, казалось бы, многоопытный и самовыражающийся игрок, как Андрей Коробейников — личность во многих отношениях незаурядная. Ведь такой серьезный конкурс, как Конкурс Чайковского — это прежде всего открытие новых имен. А превращать участие в конкурсах в ремесло, по-моему, как-то странно. Очень радует обширный репертуар конкурса — от Баха до современной музыки, а ведь Баха раньше не было.

Не мог не понравиться и второй полтур с камерным оркестром, где исполнились фортепианные концерты Моцарта, требующие от пианиста предельного музыкантского и интеллектуального напряжения. Ну, и, конечно,

Вячеслав КОЧНОВ
Фото с официального сайта XV Международного конкурса имени Чайковского

В ПЕТЕРБУРГЕ ПРОШЕЛ VI ДЕНЬ ПАМЯТИ ПИСАТЕЛЯ. НА ЭТОТ РАЗ ПРАЗДНИК РАСПРОСТРАНИЛСЯ ПО ВСЕМУ ГОРОДУ

Все тот же Достоевский и немного политики

В этом году День Достоевского значительно расширился и во времени, и в пространстве. Теперь у него есть как бы сочельник: вечером 3 июля во дворе Фонтанного дома прошел «День До», где артисты читали стихи обэриутов в «клубе капитана Лебядкина». А 4 июля достоевщина охватила не только привычный участок Кузнечного переулка между Владимирской площадью и домом писателя, не только Сенную и ближайшие переулки, как это было последние годы, но и Невский проспект, и Манежную площадь, и прилегающие улицы. Так что мы решили посмотреть, как Достоевский развернется в еще непривычных ему пространствах.

ПАПА, ВЫ УЖЕ ВСЕМ НАДОЕЛИ!

Малая Коношная. Сперва никого вокруг не видно, и это удивляет: обещали какие-то шествия, перформансы... Единственная барышня в старинном платье, к которой мы подсканиваем, оказывается рекламным агентом какого-то ресторана и пытается нас заинтересовать винной картой.

Когда проходишь чуть дальше, к памятнику Гоголю, замечаешь толпу любопытных, обвешанных значками с Достоевским, Идиотом, Раскольниковым и другими героями. Значит, мы на месте.

Публика пристально смотрит на горку бе-

«Мне мешает быть счастливым Достоевский в голове».

лых кубов, сложенную у дома. На кубах надписи: «Мечта», «Свобода», «Страх», «Реанимация»...

Из ниоткуда появляется толпа юношей и девушек в свободных рубашках и штанах. Они начинают перемещаться в пространстве, та-соваться с таким серьезным видом, что понятно: это часть представления. Они то собираются в кучу, переплетаются и расквашиваются, то расходятся врозь и застывают в неудобных позах. Потом они разбирают кубы с надпися-

ми и надевают их себе на головы. Объяснений этому нет, и смотреть, признаться, довольно скучно, но часть публики все-таки стоит и ждет: а может, в конце будет что-то интересное.

— Кажется, это перформанс, — неуверенно замечает кто-то из зрителей.

— Вот если бы они были без одежды, это была бы групповая любовь, — отвечают ему уходящие.

Еще дальше по Коношной высятся какие-то леса и каркасы. Когда подходишь, оказывается, что это площадка Русского инженерного театра АХЕ. Репетируют.

— А что вы покажете? — спрашиваем ахейцев.

— Плену дней». По Борису Виану. Вольные интерпретации.

— А при чем же тут Достоевский? — Да ни при чем. Ну, сейчас ведь вообще Год литературы. Мы расширили границы дозволенного.

И расширяют, и действительно делают это здорово — вращая железный кубический каркас, залезая на него, поджигая друг друга и обливаясь той самой пенной днью. Достоевскому грех жаловаться, что тут не сосредоточились на нем.

Парадоксальным образом как раз более традиционные «достоевские» увеселения кажутся заезженными. На углу Манежной площади и Малой Садовой стоят юные артисты, изображающие Мармеладова и Соню, с грубо раскрашенными лицами и в драных одеждах. Непонятно, какова их цель — то ли развлечь гуляющих, то ли заставить приобрести сопутствующую празднику продукцию (значки и маг-

Генеральный спонсор ОАО «РЖД»

РЖД

Поклонники Достоевского в ожидании спектакля на Манежной площади.

ниты с изображением Достоевского и героев). И то и другое удается плоховато. «Купите, добрые люди!» — орет Мармеладов. «Ах, папа, вы уже всем надоели!» — с периодичностью в минуту укоряет его Сонечка. Все это без особого задора, скорее тянет на школьный спектакль.

ЗАПРЕЩАЕТСЯ ЗАПРЕЩАТЬ

Примерно то же самое, только с большим размахом — и на большой сцене, установленной на Манежной. «Здесь будет глумление над классиками», — сообщают нам артисты. Ну да, глумление, высказывают Гоголь, Пушкин, Федор Михайлович то в современных толстовках, то в спортках... Все это уже столько раз видено и испробовано за последние годы на достоевском празднике, что не вызывает ни решительных никаких эмоций. Если сперва этот незамысловатый энтузиазм детской игры был понятен, то в шестой раз он уже кажется наигранным. «Достоевский!» — как бы снова и снова кричат они. — «Идиот!», «Классика!» Но что с этим делать, они словно бы и не знают.

Вот если бы они были без одежды, это была бы групповая любовь, — отвечают ему уходящие. Еще дальше по Коношной высятся какие-то леса и каркасы. Когда подходишь, оказывается, что это площадка Русского инженерного театра АХЕ. Репетируют.

— А что вы покажете? — спрашиваем ахейцев.

— Плену дней». По Борису Виану. Вольные интерпретации.

— А при чем же тут Достоевский? — Да ни при чем. Ну, сейчас ведь вообще Год литературы. Мы расширили границы дозволенного.

И расширяют, и действительно делают это здорово — вращая железный кубический каркас, залезая на него, поджигая друг друга и обливаясь той самой пенной днью. Достоевскому грех жаловаться, что тут не сосредоточились на нем.

Парадоксальным образом как раз более традиционные «достоевские» увеселения кажутся заезженными. На углу Манежной площади и Малой Садовой стоят юные артисты, изображающие Мармеладова и Соню, с грубо раскрашенными лицами и в драных одеждах. Непонятно, какова их цель — то ли развлечь гуляющих, то ли заставить приобрести сопутствующую празднику продукцию (значки и маг-

сонажей в черном. Они сжимали плакаты со значками запрета на все подряд — запрещаешь, мол, все на свете: чтение, думание, дыхание... Руководил ими художавый человек в костюме и галстуке, в очках, безумно похожий на одного известного чиновника федерального уровня. Они исполнили угрожающий танец под мрачную музыку. Впрочем, скоро силы зла исчезли, а ведущий праздника провозгласил: «Скажем «нет» всем бессмысленным запретам! Запрещаем запрещать!» Такие зубастые политические высказывания на чисто литературном празднике — вот это было внезапно, тут ничего не скажешь.

ДОСТОЕВСКИЙ БЕЗ ТОПОРА И ПАНИХИДЫ

В то же время в Музее городской скульптуры шла своя часть праздника. В полдень прошла мемориальная акция в Некрополе. Возлагали цветы и возжигали свечи в память о великом писателе. Правда, говоря организаторы, пришлось разочаровать пришедших старушек, которые рассчитывали почему-то на панихиду по Федору Михайловичу. Им объяснили, что сегодня не день смерти и не день рождения Достоевского, и вообще праздник светский.

А лучше за этот день, пожалуй, ждало во внутреннем дворе. Заявлено оно было как современное хореографические размышления на тему «Мне мешает быть счастливым Достоевский в голове». Но в сущности это был настоящий серьезный танцевальный спектакль, практически балет. Вроде бы та же пантомима, никакой разницы. Но то ли профессионализм актеров, то ли талант режиссера — оторваться от довольно продолжительного зрелища было невозможно. Танец выразил настоящие мучительные рефлексии.

Полную версию материала читайте на сайте vppress.ru

Федор ДУБШАН
Фото Натальи ЧАЙКИ

Гигантские марионетки театра «КУКФО».